

УДК 316.34/.422/.44:316.346.36
DOI 10.52452/18115942_2023_1_165

К ПРОБЛЕМЕ РИСКОВ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА В ПОКОЛЕНЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

© 2023 г.

Л.Г. Лебедева

Лебедева Людмила Геннадьевна, старший преподаватель кафедры социологии и психологии
Самарского государственного экономического университета
ludleb@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.10.2022

Статья принята к публикации 20.01.2023

Те или иные риски цифрового неравенства разных слоёв и групп населения, в частности риски цифрового неравенства между возрастными-поколенческими группами, становятся всё более актуальными. В современных российских условиях указанная проблема способствует усилению травмированного состояния общества в связи с неадаптированностью больших масс людей к дигитализации общественной жизни. Люди старших и младших поколений проявляют заметно различающиеся уровни адаптивности и активности в приобщении к интернет-технологиям, в использовании этих технологий в профессиональной и повседневно-бытовой сферах. Своеобразный возрастной рубеж, когда резко уменьшается доля респондентов, которые владеют компьютером, хорошо и часто пользуются им, – возраст 35 лет и старше. Особенно заметно возрастает доля тех, кто практически не владеет компьютером, в возрасте от 45 лет, а в возрасте от 55 лет таковых более половины. Однако потребности людей и общества в отношении компьютерной грамотности и включения людей в цифровую жизнь всё более возрастают. Это касается повышения и использования ресурсности людей любого возраста. Важно осуществлять адресные меры и программы, способствующие уменьшению (преодолению) излишней стратификации между людьми, в том числе и разрыва поколений в области владения цифровыми технологиями.

Ключевые слова: поколения, цифровое неравенство, виртуальные риски, компьютерная грамотность, интернет-технологии, социализация, молодёжь, цифровые компетенции, виртуальное пространство, Интернет.

Введение

Стремительное развитие цифровых технологий дает основание прогнозировать, что в недалеком будущем эти технологии станут инструментом получения знания практически в любой сфере и что цифровые компетенции станут универсальной частью профессиональной компетентности [1, с. 166]. Но в одинаковой ли мере способны и мотивированы люди старших и младших поколений (речь о массах, а не отдельных индивидах) осваивать и применять всё новые и новые цифровые технологии (средства и программы) в профессиональной и в повседневно-бытовой сферах? И не становится ли процесс дигитализации (цифровизации) общества основой для масштабных рисков цифрового неравенства в поколенческом аспекте и даже для конфликта поколений?!

Исследования показывают, что существуют разные типы и уровни адаптивности и активности поведения населения в использовании интернет-технологий, соответственно, разные «страты цифрового неравенства» [2, с. 75]. Актуальными становятся те или иные риски цифрового неравенства разных слоёв и групп населения, в частности риски цифрового неравенства между возрастными-поколенческими группа-

ми. В современных российских условиях указанная проблема становится одной из составных частей, граней травмированного состояния общества (и способствует усилению этого состояния) в связи с неадаптированностью больших масс людей к дигитализации общественной жизни.

Теоретические предпосылки исследования рисков цифрового неравенства в поколенческом аспекте

О непростых проблемах и последствиях информационной эпохи говорилось многими исследователями ещё во второй половине XX в., в частности в фундаментальных работах Э. Тоффлера «Шок будущего» («Future Shock») [3] и М. Кастельса «Информационная эпоха» («The Information Age») [4]. По оценке Э. Тоффлера, темп изменений настолько ошеломляющ, что даже несколько лет разницы в возрасте дают большие различия в жизненном опыте человека [3, с. 319]. Увеличивающийся информационный поток особенно трудно осваивать старшему поколению.

Обобщая выводы из анализа проблем информационной эпохи («осмысливая наш мир»), М. Кастельс в том числе подчеркнул, что существует экстраординарный разрыв между нашей

технологической переразвитостью и нашей социальной недоразвитостью [4, с. 513]. Этот разрыв имеет много аспектов, один из которых связан с неодинаковым опытом развития и различными возможностями поколений.

Обычно проблема активного использования компьютерных технологий и интернет-сетей рассматривается применительно к молодёжи с подчёркиванием отставания в этом отношении представителей старших поколений – в духе разрыва поколений в IT-сфере (сфере информационных технологий). В частности, говорится о «цифровом» поколении [5], поколении Z [6], даже об особом «поколении онлайн» [7]. Используется и название «цифровые аборигены» информационных социальных сетей [8; 9].

Вовсе не случайно обсуждаются риски осложнения взаимоотношений между поколениями, связанные с их цифровым неравенством, с разной степенью их участия в виртуальном пространстве (киберпространстве) [10; 11]. В том числе обсуждаются особенные проблемы и потребности людей «третьего» (пенсионного) возраста во взаимоотношениях с компьютерными технологиями и виртуальным пространством [12].

Можно отметить, что некоторые вопросы, связанные с использованием компьютерных технологий и интернет-сетей (в поколенческом аспекте), лежат на «поверхности», более или менее очевидны. Однако остаются актуальными вопросы, насколько велик отмечаемый разрыв поколений в использовании компьютерных технологий и интернет-сетей. Соответственно, насколько велики риски цифрового неравенства в поколенческом аспекте? А вместе с этим, каковы конкретные проблемы и «что делать» с учётом указанных проблем?

Есть и более фундаментальные вопросы методологического характера. В частности, речь об институциональной роли виртуального пространства, особенно по отношению к новым поколениям, к подросткам и молодёжи. Исследователями сделаны выводы об институциональности виртуального пространства и о высокой степени отклонения культурных моделей и поведенческих практик от исходных моделей индивидов в результате их взаимодействия в сети Интернет [13, с. 84, 85]. По сути, виртуальная среда стала своеобразным конкурентом (и отчасти «заменителем») реальной социальной среды [9]. И в этой новой (виртуальной) социальной среде проявляют себя законы социальной стратификации, аналогичные реальной социальной среде, но с особой ролью образования, информации и знания [9, с. 83]. Виртуальная среда по-своему влияет и на социальную

идентификацию вовлечённых в неё индивидов и групп, особенно молодёжи.

Меняется и сама социальная реальность (происходят её метаморфозы) под влиянием цифровизации социума, и в этой («первой») социальной среде проявляют себя определённые риски, в частности для молодёжи [14]. Виртуальная среда (в качестве социального института) может навязывать свои определённые порядки и образ мышления и поведения.

Происходят не просто изменения в мире (и изменение мира). Происходит «метаморфоза мира», как это подчеркнул Ульрих Бек, – так называется и его книга (*The Metamorphosis of the World*) [15]. При этом подразумевается, что «при изменении» что-то меняется, но что-то остаётся неизменным. А «при метаморфозе» старые определённости, свойства общества отпадают и возникает нечто совершенно новое [15, с. 2–3]. В этом отношении справедливо говорится не просто о цифровизации общества, а о «цифровом существовании» человека, человеческого общества [16].

В результате изменений – метаморфоз мира (социума) возникают противоречия (разнообразные и трудноразрешимые) между виртуальной средой (со своим новым «информационно-сетевым» порядком) и реальной общественной средой в целом (со своими традиционными порядками) [11, с. 149].

Происходящие изменения – метаморфозы социума касаются и такого аспекта, находящегося в центре проблемы преемственности поколений, как социализация личности. По оценке У. Бека, молодые поколения уже рождаются как «цифровые сущности», то есть для молодых поколений цифровизация жизни происходит в самом начале социализации, в отличие от старших поколений; а это обстоятельство влияет и на взаимоотношения поколений (в том числе в центробежном духе) [15, с. 188, 189, 191].

Но если цифровизация действительно так глубоко влияет на социум (а приходится согласиться, что это, в принципе, именно так), необходимы и новые подходы к сути происходящих метаморфоз социума (включающих интенсивную цифровизацию общественной жизни) и новые представления об их последствиях, в частности, для взаимоотношений и преемственности поколений.

Эмпирическая основа и методы исследования

При рассмотрении поставленной в статье проблемы и конкретных вопросов используются общенаучные методы, прежде всего класси-

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы владеете работой на компьютере?»
(можно дать несколько ответов), % ответов от числа респондентов**

№ п/п	Варианты ответов	Всего 16–69, N=620	Группы по возрасту (полных лет)					
			16–19, n=100	20–24, n=102	25–34, n=100	35–44, n=105	45–54, n=106	55–69, n=107
1	Владею компьютером хорошо и часто пользуюсь им	38.7	44.0	52.0	58.0	37.1	31.1	12.1
2	Все учебные/рабочие задания для компьютера выполняю успешно	21.8	27.0	36.3	26.0	13.3	24.5	4.7
3	Владею компьютером хорошо, часто «сизжу» в Интернете	22.3	37.0	26.5	21.0	22.9	17.0	10.3
4	Владею компьютером хорошо, но редко пользуюсь им	11.8	7.0	7.8	7.0	22.9	15.1	10.3
5	Владею компьютером хорошо, использую в предпринимательстве	6.1	5.0	2.9	2.0	11.4	8.5	6.5
6	Практически не владею компьютером	17.6	7.0	2.9	2.0	7.6	30.2	53.3
7	Другое	3.1	1.0	1.0	4.0	1.9	2.8	7.5
Итого*		121.4	128.0	129.4	120.0	117.1	129.2	104.7

* Примечание: сумма ответов (итого) составляет больше 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

фикации и анализа применительно к социологическим материалам. Основное внимание уделено анализу данных анкетного опроса под руководством автора статьи¹. Материалы опроса проанализированы в русле темы статьи применительно к шести возрастно-поколенческим группам, представляющим младшие, средние и старшие поколения. Что показывают социологические материалы, какова конкретика в отношении неравенства или «разрыва» поколений в использовании компьютерных технологий и интернет-сетей?

Материалы и результаты

Прежде всего, в какой мере пользуются компьютерными технологиями представители тех или иных возрастно-поколенческих групп (табл. 1)?

Выше среднего показателя (по всей выборке) доля ответов «Владею компьютером хорошо и часто пользуюсь им» в возрастных группах 16–19 лет (44.0%), 20–24 (52.0%) и 25–34 лет (58.0%).

По доле ответов «Практически не владею компьютером» явно выделяются возрастные группы 45–54 лет (30.2%) и 55–69 лет (53.3%).

Социологическими данными подтверждается, что, с одной стороны, у старшей возрастной группы процессы освоения цифровых технологий протекают труднее и медленнее, чем у более молодых, с другой стороны, «третий возраст» (старшее поколение) «вовлекается во все коллизии цифрового мира» [17, с. 46].

Наименьшие доли ответов «Практически не владею компьютером» явно у возрастных групп 20–24 лет (2.9%) и 25–34 лет (2.0%). Видимо, в этих возрастных группах сказывается большое внимание компьютерной подготовке в учебных заведениях, особенно в высших учебных заведениях.

По пункту «Владею компьютером хорошо, но редко пользуюсь им» респонденты от 35 до 69 лет показывают результаты опроса либо практически на уровне средних, либо существенно выше средних данных. Соответственно, имеется большой потенциал для перехода большей части людей возрастных групп старше 35 лет из категории «пассивных коммуникаторов» в категорию «активных коммуникаторов» – пользователей компьютерными технологиями.

Важное значение приобретает проблема приспособленности представителей разных групп к современным условиям жизни благодаря цифровым технологиям. Сопряжение ответов на вопросы о степени владения компьютером и об оценках приспособленности (достаточной или недостаточной) к современным условиям жизни показывает следующую картину (табл. 2).

Среди владеющих компьютером хорошо доли тех, кто оценил уровень своей приспособленности к современным условиям жизни как более или менее достаточный, по возрастным группам весьма различаются – наибольшие доли (подавляющее большинство ответов) у младших возрастных групп (16–34 лет), средние

Таблица 2

Соприжение ответов о владении компьютером и ответов о приспособленности к современным условиям жизни, % ответов от числа респондентов

Степень владения компьютером	Вы считаете себя достаточно или недостаточно приспособленным(ой) к современным условиям жизни в нашей стране?	Всего 16–69, N=620	Группы по возрасту					
			16–19, n=100	20–24, n=102	25–34, n=100	35–44, n=105	45–54, n=106	55–69, n=107
Владею компьютером хорошо	1. Да, вполне достаточно	29.0	31.0	36.3	48.0	34.3	19.8	6.5
	2. В основном, да, достаточно	42.7	53.0	65.7	39.0	39.0	38.7	22.4
	3. Пожалуй, нет, недостаточно	16.5	13.0	14.7	17.0	14.3	25.5	14.0
	4. Нет, совершенно недостаточно	3.4	4.0	1.0	4.0	7.6	3.8	0.0
	5. Затрудняюсь ответить	9.4	21.0	7.8	6.0	12.4	8.5	0.9
Практически не владею компьютером	1. Да, вполне достаточно	3.2	1.0	0.0	2.0	1.9	9.4	4.7
	2. В основном, да, достаточно	9.4	4.0	2.0	3.0	4.8	13.2	28.0
	3. Пожалуй, нет, недостаточно	4.0	0.0	2.0	0.0	1.0	4.7	15.9
	4. Нет, совершенно недостаточно	1.8	2.0	0.0	0.0	0.0	0.9	7.5
	5. Затрудняюсь ответить	2.3	1.0	0.0	1.0	1.9	4.7	4.7
Итого*		121.7	130.0	129.5	120.0	117.2	129.2	104.6

* Примечание: сумма ответов (итога) составляет больше 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов

Таблица 3

Ответы на вопрос: «Какими мессенджерами из перечисленных Вы пользовались за последнюю неделю?» (можно дать несколько ответов), % ответов от числа респондентов

№ п/п	Варианты ответов	Всего 16–69, N=620	Группы по возрасту (полных лет)					
			16–19, n=100	20–24, n=102	25–34, n=100	35–44, n=105	45–54, n=106	55–69, n=107
1	Viber	58.1	48.0	67.6	73.0	66.7	60.4	33.6
2	WhatsApp	52.7	59.0	68.6	70.0	44.8	50.9	25.2
3	Telegram	26.5	37.0	51.0	31.0	12.4	18.9	10.3
4	Facebook Messenger	7.3	4.0	5.9	5.0	12.4	12.3	3.7
5	ICQ	1.8	1.0	2.0	1.0	1.0	1.9	3.7
6	Другими (OpenValueTxt, DisableReordering, AlwaysVisible ...)	4.5	6.0	6.9	4.0	2.9	2.8	4.7
7	Никакими из перечисленных	19.8	9.0	8.8	5.0	16.2	27.4	50.5
Итого*		170.7	164.0	210.8	189.0	156.4	174.6	131.7

* Примечание: сумма ответов (итога) составляет больше 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

доли (но большинство ответов) у средних возрастных групп (35–54 лет) и наименьшие доли (меньше половины ответов) у старшей возрастной группы (55–69 лет). Из этого можно сделать вывод, что уровень приспособленности к современным условиям жизни можно связывать, если не исключительно, то в существенно значительной мере, именно с хорошим владением компьютером.

Можно обратить внимание и на то, что среди практически не владеющих компьютером в старшей возрастной группе заметно высока доля тех, кто оценил уровень своей приспособленности к современным условиям жизни как в основном достаточный (28% ответов от числа респондентов). Это естественно, так как значительная часть этих людей находится на пенсии и не

связана трудовыми отношениями (и, соответственно, не связана с потребностью использовать компьютерные технологии в работе). К тому же среди этой части людей работающие заняты в таких трудовых процессах, которые не требуют использования компьютерных технологий.

Одним из показателей грамотности в вопросах информационно-коммуникативных технологий и активности в использовании интернет-сетями является обращение к тем или иным конкретным мессенджерам (табл. 3).

Не пользовались никакими мессенджерами более половины респондентов (50.5%) старшей группы (55–69 лет), более четверти респондентов (27.4%) в возрастной группе 45–54 лет и лишь менее десятой части респондентов из младших групп (16–34 лет).

Таблица 4

Ответы на вопрос: «В каких социальных сетях Вы в настоящий период зарегистрированы, имеете свою страницу?» (можно дать несколько ответов), % ответов от числа респондентов и ранги

№ п/п	Варианты ответов	Всего 16–69, N=620	Группы по возрасту (полных лет)					
			16–19, n=100	20–24, n=102	25–34, n=100	35–44, n=105	45–54, n=106	55–69, n=107
1	«ВКонтакте»	66.0	72.0	93.1	92.0	67.6	52.8	21.5
2	Instagram	48.7	62.0	84.3	70.0	40.0	29.2	10.3
3	«Одноклассники.ru»	39.8	30.0	25.5	33.0	58.1	57.5	33.6
4	«Мой мир@Mail.ru»	21.9	32.0	30.4	17.0	17.1	21.7	14.0
5	Facebook	19.7	22.0	40.2	25.0	12.4	17.0	2.8
6	Google+	19.5	35.0	37.3	11.0	11.4	15.1	8.4
7	Twitter	16.1	19.0	36.3	21.0	7.6	12.3	1.9
8	Другие	1.0	4.0	1.0	0	0	0.0	0.9
9	Нигде не зарегистрирован	14.0	2.0	2.0	0	11.4	19.8	46.7
Итого		246.7	278.0	350.1	269.0	225.6	225.4	140.1
Коэффициенты пользования социальными сетями*		2.47	2.78	3.50	2.69	2.26	2.25	1.40

* Примечание: коэффициенты пользования социальными сетями определяются путём деления процентов от числа респондентов в строке «Итого» на 100 (%).

Наиболее популярны у респондентов всех групп Viber и WhatsApp. У младших групп к этим двум мессенджерам добавляется Telegram.

Если использовать классификацию массовых навыков населения и форм применения цифровых технологий на три уровня – базовый, средний и продвинутый [2, с. 76], то увидим, что более сложные мессенджеры, используемые преимущественно для профессиональных дел (продвинутый уровень), получили весьма немного голосов респондентов, особенно в старшей возрастной группе.

О разной степени активности возрастных групп в пользовании компьютерными технологиями говорит и факт регистрации (или отсутствия регистрации) в социальных сетях (табл. 4).

Коэффициенты пользования социальными сетями означают, к какому количеству социальных сетей в среднем имеет отношение каждый респондент. По всей выборочной совокупности респондентов такой коэффициент равен 2.47 (то есть в среднем каждый имеет отношение более чем к двум социальным сетям). Больше этой величины коэффициенты у групп респондентов 16–34 лет, а меньше – у групп 35–69 лет. Наибольший коэффициент у группы 20–24 лет, а наименьший – у группы 55–69 лет.

Наиболее активно пользуются социальными сетями младшие группы (16–34 лет), у которых и наиболее разнообразен «ассортимент» используемых социальных сетей, но особенно популярны «ВКонтакте» и Instagram. А ответ «Нигде не зарегистрирован» дали лишь 2.0% из младших групп респондентов. У средних групп (35–54 лет) наиболее популярной является сеть «ВКонтакте», но весьма популярны и сети «Одноклассники.ru» и Instagram, а ответ «Нигде не зарегистрирован» дали менее одной пятой части респондентов.

Наименее активно пользуются социальными сетями в старшей группе (55–69 лет), в которой почти половина (46.7%) выбрали ответ «Нигде не зарегистрирован». Однако и в старшей группе достаточно популярны сети «Одноклассники.ru» и «ВКонтакте».

Обсуждение

Приходится признать, что молодёжь и старшие поколения по-разному включены в виртуально-коммуникационную среду, по-разному владеют цифровыми технологиями.

Одним из последствий «метаморфоз социума» стало разделение между реальными и виртуальными взаимодействиями, отсюда проблема сосуществования реальных и виртуальных взаимодействий [18, с. 96–98]. Молодёжь в значительной мере уходит в сферу виртуальных взаимодействий, отдаляясь от старших поколений. Однако есть и другие аспекты цифровизации общества. Так, по оценке А.М. Дружинина, «интернет-коммуникации становятся условием укрепления социального взаимодействия граждан с организациями и гражданским обществом в целом» [19, с. 24].

Самые разные исследования показывают, что молодёжь можно образно назвать «аборигенами» информационно-социальных сетей [8]. А это означает, что информационно-социальные сети являются важным фактором процессов социализации молодёжи. При этом многие последствия (особенно – отдалённые) этих процессов до конца не осмыслены [20]. Среди возможных проблем (последствий) – чрезмерно высокая интенсивность использования Интернета и явная установка на гедонистические практики [20]. Например, можно опасаться, что слишком интенсивное, постоянное пребывание

молодых людей в информационных и компьютерных социальных сетях («аборигенство» в них) может уводить от учебной, трудовой вовлечённости и социальной ответственности (как вариант отчуждения от старших поколений) и направлять по пути инфантилизма, гедонистических практик и потребительского поведения (как вариант отчуждения от реальных потребностей социальной жизни).

Правда, есть основания считать, что в большей мере указанные опасения применимы лишь к периоду взросления молодёжи. А по мере социального взросления, как правило, молодые люди начинают адекватно оценивать свою социальную ответственность [21]. Молодые люди в период где-то после 25 лет отходят от состояния инфантильности и переходят в состояние взрослости.

По оценкам как российских, так и зарубежных исследователей, проблема цифрового неравенства и цифрового разрыва имеет самые разные последствия.

По мнению Яна ван Дейка (J. van Dijk), цифровой разрыв тесно связан с социальным неравенством; а одна из глав в его книге «Цифровое неравенство» даже получила название «Социальное и цифровое неравенство» [22]. По оценкам и Розалинды Рейнолдс (R. Reynolds), цифровое неравенство способствует социальному и экономическому неравенству [23, с. 137].

Вслед за некоторыми западными исследователями российские тоже признают, что «ликвидация цифрового разрыва без снижения уровня существующего социального неравенства не представляется возможной» [24, с. 163]. Иначе говоря, необходимо в комплексе решать проблемы цифрового разрыва и социального неравенства – как общесоциальные, в том числе и межпоколенческие, проблемы. То есть цифровой разрыв всё больше сводится к неравенству не в физическом доступе, а в материальном доступе – как это показали исследователи на примере такой богатой страны, как Голландия [25]. Эта проблема заслуживает внимания исследователей и политиков и в России. Речь идёт и об элементарных материальных возможностях приобретения компьютерной техники, о реальном доступе к тем или иным информационно-компьютерным сетям и о необходимых затратах времени и материально-финансовых средств на обучение компьютерным технологиям.

Заслуживает внимания предположение, что «в процессе дальнейшей цифровизации цифровой разрыв между поколениями неуклонно сокращается» [26, с. 80]. Думается, что такая возможность существует, более того, над реализацией этой возможности как раз следует потру-

диться. Но учитывать надо и препятствия на данном пути.

Глубокое социальное неравенство, сопровождающееся и цифровым неравенством, способствует дезинтеграции межпоколенных связей. Вынужденные локдауны в связи с COVID-19 и перевод образования «на удалёнку» (в цифру) создали дополнительные линии социальных разделений. Происходит депривация и без того депривированных групп, прежде всего жителей малых и удалённых населённых пунктов, учащихся тех школ и вузов, где даже преподаватели недостаточно овладели компетенциями в области сетевого образования.

Обществу и государству важно поддержать стремления граждан, с учётом их потребностей и возрастных особенностей, повышать свою компьютерную компетентность. Эта задача приобретает всё большую важность, например, для реализации таких программ, как «электронное правительство» (e-government), «умный город» (smart city) [27]. Важно учитывать, что «умение подстраиваться под быстро меняющиеся квалификационные требования, в том числе в области цифровых технологий, ...становятся важными качествами, гарантирующими успех в цифровом обществе» [28, с. 138].

Государственным структурам и компаниям, общественным организациям важно более конкретно изучать как состояние компьютерной грамотности населения, так и особые потребности разных возрастных и социальных групп населения в сфере компьютерных технологий, чтобы осуществлять адресные меры и программы, способствующие уменьшению (преодолению) излишней стратификации и разрыва в области владения цифровыми технологиями. Справедливо вести речь и о том, чтобы предупреждать, не допускать или сводить к минимуму явление вынужденного эскапизма – «выброшенности из среды коммуникации в качестве равного участника» [29, с. 11], чему могут подвергаться в первую очередь представители более старших возрастов. Более того, компьютерная грамотность и владение актуальными информационными технологиями объективно становятся необходимой составной частью сохранения и развития того, что называется «ресурсность пожилых людей» («ресурсность представителей пожилого возраста») [30]. Но это же, несомненно, касается и общей проблемы повышения и использования ресурсности людей любого возраста как важной социально-экономической проблемы.

Динамика социального развития «не носит запрограммированного характера» [31, с. 17]. Но вполне возможно объективно оценивать

проявляющиеся тенденции социального развития в разных сферах жизни общества и вырабатывать достаточно адекватные реакции на эти тенденции со стороны общественных и государственных структур. В частности, необходимо учитывать, что «цифровизация способна как углублять существующие формы неравенства, так и производить новые» [32, с. 161].

Объективно возникают некоторые новые модальности и ориентиры человеческого существования в цифровой среде, прежде всего для молодёжи [14; 16]. И может возникнуть такая новая социальная идентификация у молодёжи, которая будет существенно отличаться от идентификации старших поколений как одно из последствий цифрового неравенства поколений, их различной включённости в виртуально-коммуникационную среду. А это обстоятельство может стать источником глубоких межпоколенческих противоречий и «разрыва» поколений. Более того, указанное обстоятельство может быть, в свою очередь, одной из граней, составной частью «травматического состояния общества» – неадаптированности сознания и поведения масс людей к существенно изменившимся условиям жизни [31, с. 23]. В данном случае речь идёт о неадаптированности людей к процессам «дигитализации» общественной жизни.

Разрыв между поколениями в связи с процессом «дигитализации» («цифровизации») и утверждения «цифровой жизни» общества, в общем, является фактором возникновения некоторых элементов «конфликта поколений» (хотя и не означает какого-то масштабного именно «конфликта поколений»). Требуется внимательного отношения к себе с целью минимизации как самого разрыва между поколениями в сфере «цифровой жизни», так и связанных с этим разрывом отрицательных последствий, в том числе и предотвращая масштабный «конфликт поколений».

Заключение

Социологические данные свидетельствуют, что на данном этапе люди старших и младших поколений проявляют заметное различающиеся уровни адаптивности и активности в приобщении к интернет-технологиям, в использовании этих технологий в профессиональной и повседневно-бытовой сферах. С хорошим владением компьютером, если не исключительно, то в существенной мере, можно связывать уровень приспособленности к современным условиям жизни.

Своеобразный возрастной рубеж, когда резко уменьшается доля респондентов, владеющих компьютером хорошо и часто пользующихся им, – возраст 35 лет и старше. Особенно заметно возрастает доля тех, кто практически не вла-

деет компьютером, в возрасте от 45 лет, а в возрасте от 55 лет таковых более половины. В то же время наибольший уровень компьютерной грамотности, владения компьютерными технологиями отмечается в возрастных группах 20–34 лет, что можно связывать как с уровнем компьютерной подготовки в образовательных организациях высшего и среднего профессионального образования, так и с закреплением полученных навыков в трудовой деятельности. Имеется большой потенциал для перехода большей части людей возрастных групп старше 35 лет из категории «пассивных коммуникаторов» в категорию «активных коммуникаторов» – пользователей компьютерными технологиями.

Одним из показателей грамотности в вопросах информационно-коммуникативных технологий и активности в использовании интернет-сетями является обращение к тем или иным конкретным мессенджерам. Не пользовались никакими мессенджерами более половины респондентов старшей группы и лишь менее десятой части – из младших групп. И более сложные мессенджеры, преимущественно для профессиональных дел (продвинутый уровень), используются весьма немногими респондентами, особенно в старшей группе.

Социальными сетями наиболее активно пользуются представители младших и средних возрастных групп, у них и наиболее разнообразен «ассортимент» используемых социальных сетей. У молодёжи особенно популярны «ВКонтакте» и Instagram, широко используются «Одноклассники.ru», Twitter, Facebook, Google+. У средних возрастных групп наиболее популярной является сеть «ВКонтакте», но весьма популярны «Одноклассники.ru» и Instagram. Наименее активно пользуются социальными сетями в старшей группе, однако и в этой группе достаточно популярны сети «Одноклассники.ru» и «ВКонтакте».

В целом, действительно, молодёжь, средние и старшие поколения по-разному включены в виртуально-коммуникационную среду, в разной мере владеют цифровыми технологиями. Однако потребности людей и общества в отношении компьютерной грамотности и включения людей в цифровую жизнь всё более возрастают. Государственным структурам и общественным организациям в сотрудничестве с бизнес-компаниями важно осуществлять адресные меры и программы, способствующие уменьшению/преодолению излишней стратификации между людьми, в том числе и разрыва поколений в области владения цифровыми технологиями.

Примечание

1. Анкетный опрос в Самарской области в начале 2020 г. по теме «Отцы и дети»: конфликт и сотрудни-

чество, преемственность поколений» проведён под руководством автора статьи. Опрошено 620 респондентов по выборке, репрезентирующей население 16–69 лет по возрасту, полу и территориально-поселенческой структуре. Максимальный размер ошибки выборки с вероятностью 95% не превышает 5%.

Список литературы

1. Горбунова Н.В., Шеляхина Н.В. Цифровая экономика – императив инновационного образовательного развития культурного капитала в современном обществе // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2019. № 2 (76). С. 164–168.

2. Шиняева О.В., Полетаева О.В., Слепова О.М. Информационно-цифровое неравенство: поиски эффективных практик адаптации населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 68–85.

3. Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. М.: Издательство «АСТ», 2002. 557 с.

4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

5. Максимова О.А. «Цифровое» поколение: стиль жизни и конструирование идентичности в виртуальном пространстве // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2013. № 22 (313). Вып. 81. С. 6–10.

6. Кулакова А.Б. Поколение z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2018. № 2 (42). С. 1–10.

7. Смирнов Р.Г. Операционализация феномена «поколение онлайн» // Цифровая социология. 2019. Т. 2. № 4. С. 31–38.

8. Руденкин Д.В. Эвристический потенциал теории «цифровых аборигенов» М. Пренски при исследовании современной российской молодежи // Социодинамика. 2019. № 9. С. 9–19.

9. Черемисин А.Г. Интернет как новая социальная среда: феноменологический подход // Вестник ДонНУ. Серия Б: Гуманитарные науки. 2018. № 2. С. 80–85.

10. Волченко О.В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163–182.

11. Лебедева Л.Г. Межпоколенческие разрывы и риски в виртуальном пространстве // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. № 1 (70). С. 147–151.

12. Максимова О.А. Цифровая грамотность поколения «третьего возраста» как адаптационный ресурс в условиях информационного общества // Logos et Praxis. 2018. Т. 17. № 2. С. 103–110.

13. Попов М.В., Коблова Ю.А., Мурыгина Н.В. Институты виртуального пространства: механизм, закономерности формирования и новые угрозы // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2017. № 3 (67). С. 82–86.

14. Кравченко С.А. Цифровые риски, метаморфозы и центробежные тенденции в молодежной среде // Социологические исследования. 2019. № 10. С. 48–57.

15. Beck U. The Metamorphosis of the World. Cambridge; Malden: Polity Press, 2016. 223 p.

16. Керимов Т.Х. Цифровизация общества: модуляция, время, субъективация // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2019. Т. 14. № 3 (191). С. 5–17.

17. Сергеева О.В. Пожилые люди за компьютером // Человек. 2014. № 3. С. 42–46.

18. Дулина Н.В., Ануфриева Е.В. Киберсоциализация молодежи: настоящее и будущее // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия. 2016. № 1. С. 96–98.

19. Дружинин А.М. Интернет-коммуникации в гражданском обществе: методологический анализ // Информационное общество. 2017. № 3. С. 24–29.

20. Вершинская О.Н. Европейский подход к анализу социальных последствий информатизации // Информационное общество. 2016. Вып. 2. С. 52–59.

21. Черных С.С., Воденко К.В., Коваленко А.М., Чернов И.В. Демонстративное потребление молодежи в условиях экспансии информационного общества и глобальной цифровизации // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8 (39). № 5. С. 179–189.

22. Van Dijk J. The Digital Divide. Cambridge, UK: Polity, 2020. 208 p.

23. Reynolds R. Jan van Dijk, The digital divide (Book Review) // Journal of the Association for Information Science and Technology. 2021. Vol. 72 (1). P. 136–138.

24. Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Возможно ли цифровое равенство? (О книге Я. ван Дейка «Цифровой разрыв») // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 158–164.

25. Van Deursen A.J.A.M., van Dijk J.A.G.M. The first-level digital divide shifts from inequalities in physical access to inequalities in material access // New Media & Society. 2019. № 21(2). P. 354–375.

26. Бекарев А.М., Пак Г.С. Цифровая компетентность и возраст преподавателя в условиях префигуративной культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 1 (65). С. 74–81.

27. Lebedeva L.G. Areas of Interests of Age-Generational Groups as a Factor of Social Management of Settlement Structures // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. Vol. 960. Prague. IOP Publishing Ltd. 2020. P. 032085.

28. Воскресенская Н.Г., Рыхтик М.И., Баранова Т.В. Цифровизация в восприятии студентов поколений Y и Z // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 4 (60). С. 137–148.

29. Баева Л.В. Социальные аспекты цифровизации образования в условиях пандемии: философский анализ // Logos et Praxis. 2021. Vol. 20. № 1. P. 5–15.

30. Ермилова А.В., Захаров Д.В. Ресурсность представителей пожилого возраста: теоретический аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 1 (65). С. 83–88.

31. Эфендиев А.Г. Социальное развитие в современную эпоху. Теоретическое исследование новой реальности // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 16–27.

32. Григорьева Е.А. Цифровые неравенства: причины, формы, последствия // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 161–163.

**TO THE PROBLEM OF RISKS OF DIGITAL INEQUALITY IN
THE GENERATIONAL ASPECT***L.G. Lebedeva*

Samara State University of Economics, Samara

Certain risks of digital inequality of different strata and groups of the population, in particular, the risks of digital inequality between age and generational groups are becoming more and more relevant. In modern Russian conditions, this problem contributes to the strengthening of the traumatized state of society due to the lack of adaptation of large masses of people to the digitalization of public life. People of older and younger generations show markedly different levels of adaptability and activity in introducing Internet technologies, in using these technologies in practice in the professional and everyday household sphere. A kind of age limit, when the proportion of respondents who own a computer well and often use it sharply decreases, is the age of 35 years and older. The share of those who practically do not own a computer at the age of 45 is especially noticeably increasing, and more than half of those aged 55 and over. However, the needs of people and society in relation to computer literacy and the inclusion of people in digital life are increasingly increasing. This also applies to increasing and using the resource capacity of people of any age as an important socio-economic problem. It is important to implement targeted measures and programs that contribute to reducing (overcoming) excessive stratification between people, including the generation gap in the field of digital technology ownership.

Keywords: generations, digital inequality, virtual risks, computer literacy, Internet technologies, socialization, youth, digital competencies, virtual space, the Internet.